

УДК 393+392.1

DOI: 10.33876/2311-0546/2022-3/77-88

Научная статья

© А. Д. Соколова

ЧАСТНЫЕ ПОХОРОНЫ В СССР: ОТ ИНФРАСТРУКТУРЫ К НИЗОВОМУ РЕГУЛИРОВАНИЮ И ПРАКТИКАМ САМООБЕСПЕЧЕНИЯ

В статье показано как слом инфраструктуры похоронного обеспечения, произошедший в первые послереволюционные годы, привел к возникновению низовых похоронных практик. В статье описываются причины кризиса. На материалах источников личного происхождения и архивных данных показана реакция современников на трудности захоронения умерших, а также описывается возникновение практик самообеспечения, включаясь в которые родные и близкие умерших решали проблему отсутствия профессиональной помощи при погребении. Фактически основную ответственность за проведение похорон рядовых граждан вынуждены были взять на себя семьи умерших. На место похоронных бюро пришли кустари-совместители, оказывавшие отдельные похоронные услуги, что было для них дополнительным заработком. Несмотря на то, что наиболее острые проявления похоронного кризиса сравнительно быстро исчезли, практики самообеспечения, возникшие в результате кризиса, закрепились и стали системными в более поздние периоды.

Ключевые слова: погребение, инфраструктура, СССР, дневники, кризис, низовые похоронные практики

Ссылка при цитировании: Соколова О. Д. Частные похороны в СССР: от инфраструктуры к низовому регулированию и практикам самообеспечения // Вестник антропологии, 2022. № 3. С. 77–88.

Соколова Анна Дмитриевна — к. и. н., научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (119334 Москва, Ленинский пр-т., 32А). Эл. почта: annasokolova@gmail.com ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9120-8218>

* Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН.

UDC 393+392.1

DOI: 10.33876/2311-0546/2022-3/77-88

Original Article

© *Anna Sokolova*

PRIVATE FUNERALS IN THE SOVIET UNION: FROM INFRASTRUCTURE TO GRASSROOTS REGULATION AND SELF-SUPPLY PRACTICES

The article shows how the breakdown of the funeral infrastructure that occurred in the first post-revolutionary years led to the emergence of grassroots funeral practices. The article describes the causes of the crisis. Based on materials from sources of personal origin and archival sources, the reaction of contemporaries to the difficulties of burying the dead is shown, as well as the emergence of grassroots funeral practices, including those where relatives and friends of the deceased solved the problem of lack of professional assistance during burial. In fact, the families of the deceased had to assume the main responsibility for providing funerals for ordinary citizens. Funeral homes were replaced by handicraftsmen who provided separate funeral services as a source of additional income. Although the most acute manifestations of the funeral crisis disappeared relatively quickly, the practices of self-sufficiency that arose as a result of the crisis took hold and became systemic in later periods.

Keywords: *funerals; infrastructure; USSR; diaries; crisis; revolution; grassroots practices.*

Author Info: **Sokolova Anna** — Ph.D. in History, Research fellow, the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (Russian Federation, Moscow). E-mail: annadsokolova@gmail.com ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9120-8218>

For Citation: Sokolova, A. 2022. Private Funerals in Soviet Union: From Infrastructure to Grassroots Regulation and Self-Supply Practices. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 3: 77–88.

Funding: The study was carried out as a part of the research plan of the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology.

Введение

События революционного 1917 г. и последовавшие за ними несколько лет военного коммунизма, гражданской войны, эпидемий и разрухи повлияли на все стороны жизни граждан молодого советского государства. При этом, если часть изменений была связана с новой идеологией, другие — стали следствием распада существовавших социальных структур и инфраструктуры под воздействием широкого спектра факторов — от резкого роста числа горожан до муниципализации и фактической бесхозности основных городских служб. Необходимо отметить, что распад город-

ских инфраструктур носил стремительный характер. Еще осенью 1917 г. в российских городах существовала, хотя и имевшая изъяны, но в целом работающая система коммунального обслуживания, то уже к весне 1918 г. в главных городах страны во многих аспектах она пришла в абсолютный упадок и негодность. Однако, если вопросы городского управления и жилищной политики в достаточной степени изучены (Смирнова 2016; Кириллова 2016; Matsui 2009; Фицпатрик 2008: 64–67), процессы, касающиеся состояния похоронного дела во многом до сих пор остаются в тени. В то же время, в крупных городах государства 1918–1919 гг. ознаменовались крупнейшим похоронным кризисом. Морги и больницы были переполнены трупами, непогребенные тела лежали на кладбищах, могильщики саботировали работу, на кладбищах селились люди и пасся скот, получить документы на погребение было крайне сложно. В данной статье я покажу как современники этих событий переживали изменения, произошедшие в похоронной сфере, какие практики возникали спонтанно для преодоления этих трудностей, а также — как практики самообеспечения, возникшие в результате кризиса закрепились и стали системными в более поздние периоды.

Причины кризиса

Причины кризиса были связаны с рядом факторов. С одной стороны, декрет СНК от 7 декабря 1918 г. «О кладбищах и похоронах» предполагал муниципализацию всей похоронной инфраструктуры, и тем самым радикально и в сжатые сроки менял все базовые принципы работы и администрирования этой важнейшей сферы общественной жизни (Соколова 2019). С другой стороны, в рассматриваемый период происходили существенные изменения в структуре городского населения. Огромное число сельских жителей мигрировало в города в поисках лучшей жизни и пропитания. В то же время, именно на эти годы приходится начало эпидемии сыпного тифа, ставшего одним из серьезнейших потрясений первых послереволюционных лет (Миронова 2020). Все это приводило, с одной стороны, к потере контроля над администрированием похоронной инфраструктуры в крупных городах, а с другой — ко все возрастающей нагрузке на похоронные службы. Если в 1917 г. смертность в Москве составляла 25 человек на 1000 жителей, то в 1919 г. этот показатель составил уже 48,5 человек (Бартель 1925: 20). Ситуация также осложнялась бешеной инфляцией и стремлением новой власти отказаться от монетарной политики. Огромное число покойников из числа прибывающих по железной дороге было практически невозможно идентифицировать, особенно учитывая отмену удостоверений личности (Байбурун 2017: 69–90). Поскольку число умерших в общественных местах было столь велико, городские власти фактически занимались только ими, пытаясь разгрузить переполненные морги и мертвецкие. Родственники людей, умерших дома, оказались практически полностью предоставленными сами себе (ЦГА СПб Ф. 2815. Оп. 1. Д. 322. Л. 83 об.).

К весне 1919 г. ситуация стала настолько тяжелой, что похоронные службы фактически перестали оказывать гражданам помощь в погребении умерших, и стремились обеспечить хотя бы похороны людей умерших в больницах, приезжих и неопознанных тел. В этой ситуации родственники умерших оказались один на один с проблемами фактически отсутствовавшей похоронной инфраструктуры. Хотя эта страница отечественной истории и не является самой известной, похоронный кри-

зис производил огромное впечатление на современников, о чем свидетельствуют многочисленные записи в дневниках этого периода. Помимо эмоционального переживания, эти записи содержат также свидетельства о вернакулярных практиках, которые возникали повсеместно в стремлении преодолеть распад инфраструктуры.

Похоронный кризис в восприятии современников

Первая серьезная проблема, с которой столкнулись горожане была связана с новым порядком регистрации умерших, которую необходимо было произвести перед похоронами. Хотя в инструкции об организации похоронного дела был прописан порядок оформления документов, который не должен был занимать более двух дней (ЦГАМО Ф. 4557. Оп.1. Д. 53. Л. 9 об-10), в реальности родственники были вынуждены получать целую серию справок в различных учреждениях прежде, чем дело дойдет до Ордера на погребение. Поскольку набор справок был непредсказуем и нестабилен, а в каждом учреждении были очереди, оформление документов могло затянуться на неделю и даже дольше (ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 53. Л. 16).

В фондах Московского Отдела погребально-санитарных мероприятий сохранилась газетная заметка «Маленькие недостатки: с живыми трудно, но и с мертвыми нелегко», опубликованная не позднее 17 февраля 1919 г., описывающая все мытарства, с которыми в тот период сталкивался человек при оформлении похорон. Герой заметки, музыкант, прилагал все усилия для того чтобы получить разрешение на похороны своего друга.

«Путешествуя из одного учреждения в другое, проделывая множество формальностей, он, при одолении одной, натыкался на новую, вырославшую перед ним во всей своей красе и... нелепости». Сперва ему потребовалось медицинское свидетельство о смерти, однако, свидетельства от частного врача оказалось недостаточно, и музыканту пришлось отправиться к судебному врачу, для того чтобы получить его визу. Получив после многочисленных приключений визу судебного врача, герой направился к нотариусу и отстояв длинную очередь получил, наконец разрешение на погребение. Однако, данное разрешение необходимо было заверить в комиссариате, ответив предварительно на целый ряд вопросов не имеющих никакого отношения к похоронам («Сколько лет жил в Москве покойник, занимал он квартиру или комнату, в каком жил доме, в каменном или деревянном и т. д.»). В конечном счете на оформление документов для похорон ушло целых пять дней (ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 53. Л. 16).

Для того, чтобы добиться успеха, родственникам приходилось проявлять известную настойчивость. Вот как описывает это в своих воспоминаниях Питирим Сорокин: «Умереть сейчас в России легко, а вот быть похороненным — очень непросто. В разговорах с десятками чиновников, во многочасовых очередях пролетело четыре дня, прежде чем мы смогли получить разрешение похоронить Веру. В конце наших мытарств мы пригрозили одному чиновнику, что если он не даст разрешения, мы принесем тело в его кабинет» (Сорокин 1991: 145).

Возможно, самым тяжелым ударом, постигшим отрасль, стала потеря инвентаря и рабочих рук. Большинство рабочих и могильщиков московских кладбищ, как здоро-

вые и сильные мужчины, годные к тяжелой физической работе, были мобилизованы в армию. Лошади были реквизированы для нужд фронта или пали от плохого ухода и общей бесхозяйственности. Даже рабочий инвентарь бесследно исчезал и на кладбищах зачастую оставались лишь несколько ломов и лопат. Ситуация усугублялась тем, что муниципализированные частные похоронные бюро, переведенные на безденежный расчет, систематически саботировали работу (ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 52. Л. 4, 6, 8; ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 55. Л. 1 об-2. ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 50. Л. 1).

В этой ситуации родственникам приходилось становиться посредниками при решении различных вопросов, а порой и делать часть работы самим. Вот с какими проблемами сталкивались обыватели уже в ноябре 1918 г.: «Оказывается, что теперь и умирать неудобно: на иноверческом кладбище, которое всегда было организовано лучше всех, могильщики не хоронят более 7-ми покойников в день и не хоронят ранее часа дня. <...> могила была не дорыта, и гроб пришлось поднимать опять на землю; крест, приготовленный заранее, потеряли и были грубы и недовольны» (Готье 1997: 197).

Из всех трудностей, с которыми сталкиваются родственники, наиболее символической проблемой является отсутствие гробов. Неоднократные попытки похоронной администрации наладить поставку гробов раз за разом проваливаются. В холодную зиму 1918–1919 г. древесины не хватает даже на дрова. Мемуаристы неоднократно отмечают, что «Теперь, частным образом гробов заказывать нельзя, так что у покойников — очередь» (Мартынова (Случевская)). Выделение древесины для изготовления гробов происходит, естественно, по остаточному принципу: «Председатель культурно-просветительного кружка приехал реквизировать доски для устройства подмостков в театры. «Не дадим, не дадим! — кричат. — Они определены на гроба». Спор... Со всех сторон вздохи тех, кому нужны гробы: «Ну и жизнь, вот так жизнь, помрешь, и не похоронят, зароят как собаку!» (Пришвин 2008: 317).

Зачастую речь уже не идет о покупке готового гроба в похоронном бюро, родственники отдельно изыскивают лес, отдельно — столяра: «Он [батюшка] <...> сказал, что главное затруднение будет с гробом, и указал на находившегося в церкви столяра. Столяр сказал, что уезжает в Богородск, но указал на другого столяра. Тот выразил готовность сделать, но заявил, что нет материала — тесу, <...>. Мы побывали еще у третьего столяра, но у того не оказалось ни материала, ни инструментов. Мы были близки к отчаянию, когда возвращались домой. <...> В конце концов отыскались какие-то доски в усадьбе, и свой столяр вызвался сделать гроб к завтрашнему дню» (Богословский 2011: 469–470).

Когда и этого сделать не удавалось, гробы заменяли тем, что можно найти, и даже брали на прокат: «Достать гроб действительно так трудно, что большинство людей хоронят своих покойников просто в матрацах или мешках. Некоторые берут гробы напрокат, чтобы только довести тело до кладбища» (Сорокин 1991: 146).

Но даже «своего», не прокатного, гроба можно было лишиться уже после погребения: «Смертность поэтому большая, а гробов тоже нет. Недавно на этой почве было такое происшествие: у красноармейца умерли в больнице жена и ребенок. Он почему-то повздорил из-за похорон с милиционером. Тот его смертельно ранил. Убитому и его семье устроили торжественные похороны; гробы были обиты красной материей. После похорон пришла милиция разрыла могилу и выбросила покойников из гробов, которые забрала» (Дневник и воспоминания 1924: 241).

Привычный катафальный транспорт также отсутствовал, отчасти по причине реквизиции лошадей. Гробы на кладбище люди возили на салазках, что даже крестьянские похороны в изображении В. Г. Перова делает образцом достойного погребения: «Не говоря уже о дровах, картошке, хлебе, муке, домашнем скарбе, печках, мясе и т. п., сплошь да рядом возили на них [санках — А. С.] в ручную и гробы, да не пустые, а с прахом лиц всякого «бывшего» звания. Нас трогала, бывало, картина Перова «Деревенские похороны», которая изображала, как крестьянка везет на дровнях, запряженных одной лошадкой, тесовый гроб своего мужа, а теперь мы видим, как бывшая миллионерша или генеральша надрывает свои невеликие силы, таща за собой на кладбище сани с гробом своего мужа, брата или отца» (Окунев 1997: 15).

Бумажная волокита и черный рынок делали похороны сложными и неподъемно дорогими для родственников умерших, и они порой вынуждены были оставлять тело в городских моргах, рассчитывая на похороны за счет государства (ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 55. Л. 4). У тех же, кто находил силы и средства организовать похороны, расходы на погребение вызывали ужас и отчаяние (Окунев 1997: 306).

Похоронный кризис приводил не только к озлоблению и распаду социальных структур, но и к определенной консолидации общества, которая распространялась от самой простой помощи — помочь положить покойника в гроб (Бессарабова 2010: 396) — до проявлений настоящего альтруизма. Так, одна женщина после долгих поисков тела своего мужа нашла его «в 3-м Государственном университете (Пресня, бывшая лечебница Изачика), где оно в числе 16 лежит уже 2 месяца после анатомического вскрытия; ей сказали, что узнать его невозможно: 1) при вскрытии оно уже изменилось; 2) от времени оно разложилось. Она хочет его вместе с остальными 16 гробами похоронить в общей могиле на Ваганьковом кладбище» (Орешников 2010: 284). Несмотря на организационные и финансовые трудности, ей это удалось: «*О. Н. Чижова похоронила Сергея Ивановича на Ваганьковском кладбище в числе 12 гробов в пятницу 2/15 апреля; вырыть могилу на все 12 гробов стоило ей 300 000 р. Рассказ ее меня потряс. На кресте она написала имена 11 погребенных, а 12-й был глухонемой, имени в больнице, где умер, сказать не мог*» (Орешников 2010: 285).

Само по себе огромное число смертей вокруг производило гнетущее впечатление на современников «*Я случайно, по забывчивости, прошел в соседнюю приходскую церковь, в конце Остоженки, там хоронили троих, но В. И. между ними не было; я сообразил, что мне надо было идти в церковь Воскресения, рядом, и там нашел двух покойников, в том числе того, кого искал. А что было в соседних других церквях? Неужели то же самое?*» (Готье 1997: 328). В Москве морги и мертвецкие при больницах действительно были переполнены, захороненными оставались сотни тел, многие из которых лежали в моргах по несколько месяцев (ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 55. Л. 1, 3, 4, 7; ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 53. Л. 7, 11 об-13; ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 54. Л. 3). Все это находит свое отражение в дневниковых записях: «В Лефортове якобы волки по ночам едят на улицах трупы умерших от сыпняка. Факт тот, что на кладбище очередь, что в больницах сутками ждут в коридорах приема и кое-кто тут же умирает...» (Мельгунова-Степанова 2014: 230).

Ситуация в других городах была не лучше. Весной 1920 г. могильщики Самары таким образом описывали свою работу: «С наступление тепла из лазаретов

на халерное кладбище стали привозить трупы тухлые и разложившиеся, у которых при стаскивании в яму даже отрываются руки». Однако и к весне 1921 г. ситуация не улучшилась. Количество умерших от инфекционных болезней увеличивалось, а могильщики по-прежнему было недостаточно: *«Проходя вчера мимо кладбища, я заметил, что могилы роют только двое, а мертвых навалено было 3 кучи, и все почти изъедены, а у некоторых нет рук и ног, так как собак там целая стая»* (Миронова 2020: 220–221).

Для того, чтобы преодолеть жесткий похоронный кризис, коммунальные службы прибегали к коллективным захоронениям десятков тел, порой даже без гробов, в одной могиле (ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 55. Л. 1, 7–7 об.; ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 50. Л. 3; ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 54. Л. 1–1 об). Если сами братские могилы были в основном укрыты от посторонних глаз, то транспортировка тел к ним была на виду и производила сильное впечатление: *«Покойников стали носить через город на кладбище в простынях. Конечно, это делают более или менее состоятельные обыватели. Красноармейцев же тащат по кладбищу голых, наваленных, как дрова, в телеге, закрытых циновками и прикрученных веревками, голыми выбрасывают в могилы, вырытые всего на 1/2 аршина глубиной, а то и меньше»* (Жиркевич 2007: 421–422).

Низовое регулирование и самообеспечение

Неумелое администрирование, отказ от денежных отношений и разрушение старой системы похоронного обеспечения привели к чудовищным последствиям и сильнейшему психологическому стрессу населения. И, тем не менее, бесконечная волокита и задержки с захоронением умерших, переполненные морги и мертвецкие были хотя и важной в санитарном смысле, но все-таки временной проблемой, которую достаточно быстро удалось решить при помощи административных методов — освобождения могильщиков от воинской обязанности (ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 55. Л. 1 об., 10) и введения трудовой повинности по рытью могил и доставке трупов (ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 55. Л. 4 об). Немалую роль сыграла и нормализация эпидемической ситуации в городе. Так или иначе в целом к началу 1920 г. ситуация с погребением умерших в большинстве крупных городов нормализовалась.

Однако, выход из кризиса означал не восстановление похоронной инфраструктуры в полном объеме, а всего лишь техническую возможность хоронить всех покойников в срок. Родственники умерших по-прежнему были фактически один на один с погребальными хлопотами. К тому же, произошедшие события серьезно отразились и на той похоронной инфраструктуре, которая все еще продолжала существовать — на самих кладбищах. Фактически брошенное состояние инфраструктуры и переход к низовому обеспечению похорон привели к тому что кладбищенские пространства в городской среде потеряли интегрированное состояние. Необходимость низового регулирования и обеспечения похорон привело к возникновению на кладбищах целого спектра практик, не связанных с захоронением умерших. Так, в 1923 г. Похоронный подотдел отдела благоустройства МКХ признал, что *«в течение многих лет внешний порядок на кладбищах не поддерживался, а в годы топливного кризиса деревянные заборы, ограды могил, кресты расхищались на топливо, для той же цели рубились и деревья; каменные ограды кладбищ во многих местах разобраны местным населением как для сокращения своего пути, а также и для свободного*

прогона скота, особенно большой вред приносят козы и свиньи. В настоящее время кладбища представляют из себя проходные дворы и благодаря этому страшно загрязняются и разрушаются» (ЦГАМО. Ф. 4557. Оп. 8. Д. 633. Л. 28). Таким образом, потеряв слаженную похоронную инфраструктуру, кладбища оказывались наполненными не только низовыми похоронными практиками, но и многими другими.

Похоронный кризис стал первым толчком к важнейшему процессу, во многом определившему всю архитектуру похоронной культуры в СССР. Резкий сбой похоронной инфраструктуры привел к стремительному формированию низовых структур похоронного обеспечения. Ситуация, описанная выше имела долгосрочные последствия и продолжала воспроизводиться как системная на протяжении всего советского периода. Муниципализация похоронной отрасли и похоронный кризис фактически привели к распаду института ритуальных специалистов в городах. Если в начале XX в. в российских городах эффективно работали похоронные бюро, предлагавшие широкий спектр услуг для людей разных конфессий, сословий и достатка, то после их национализации значительная часть услуг перестала оказываться вовсе, а те, что остались были сильно сокращены в объеме. Едва ли не единственными услугами, которые можно было получить, да и то не всегда, являлась продажа гроба и рытье могилы. Ни похоронные атрибуты, ни организация похорон, ни декор, ни уход за могилкой, ни даже надгробные памятники не были повсеместно доступны. Да и те немногие услуги, которые номинально существовали, в реальности были доступны не всегда. Старая инфраструктура — не только кладбища, но и инвентарь — катафалки, покрывала, балдахины, лопаты и кирки, не обновлялись и постепенно приходили в упадок. Это привело к сильнейшей маргинализации и де-профессионализации сферы ритуальных услуг.

На место профессиональных специалистов, оказывавших похоронные услуги, и инфраструктур пришло низовое регулирование и стихийно формировавшиеся практики. Фактически основную ответственность за обеспечение похорон рядовых граждан вынуждены были взять на себя семьи умерших. На место похоронных бюро пришли кустари-совместители, оказывавшие отдельные похоронные услуги в виде дополнительного заработка. Чем дальше от крупных городов, тем раньше и быстрее закреплялись практики самостоятельного решения родственниками похоронных проблем. Каждая семья должна была взять на себя решение вопросов об изготовлении гроба, поиск могильщиков, транспортировку гроба на кладбище и изготовление могильного памятника. Такое положение дел способствовало тому, что в обществе формировался круг людей, которые в дополнение к своим формальным обязанностям брали на себя некоторые похоронные услуги. Ярким примером такого рода являлся Константин Измайлов (1900–1942), молодой столяр и счетовод из села Смоленское Бийского уезда на Алтае. На протяжении многих лет Измайлов был единственным производителем гробов в округе. Формально работая счетоводом, он также принимал частные заказы по остеклению окон и изготовлению гробов, что составляло существенную часть его дохода. Его дневники 1920–30 гг., наряду с событиями из семейной, общественной и государственной жизни, фиксировали также и многочисленные заказы на изготовление гробов и платежи по выполненным работам: *«21 июля. Четверг. Утром встал до солнца, кое-что поработал по-домашности. Потом опять за верстак. Сегодня я работаю поденно в лавке инвалидно-кооперативного объединения по столярному делу. Работаю вместе с Меркульевым*

Василием Дмитриевичем, стариком, лет 73-х. Отделываем полки и прилавок и прочее... Работа 8 часов. За работу 1 рубль 80 коп. Подряжал Сизинцев А. А. После работы в лавке сделал гроб из своего материала для восьмимесячного ребенка ветфельдшера Кононенко. За работу получил 1 рубль. Потом подстриг двух почтальонов: Сиверухина и Орлова. За работу 10 копеек получил. Всего сегодня заработал 2 рубля 90 коп. Днем шел дождь» (Измайлов 2020: 1927).

Спустя десятилетие после травматичного кризиса 1919 г., людям все еще приходилось изготавливать гробы из того, что имелось с данным момент в наличии. Так, например, Корней Чуковский, младшая дочь которого Мура умерла в Крыму в 1931 г. в возрасте одиннадцати лет, был вынужден сделать для нее гроб из сундука:

«Федор Ильич Будников, столяр из Цустраха, сделал из кипарисного сундука Ольги Николаевны Овсянниковой (того, на к-ром Мура однажды лежала) гроб. И сейчас я, услав М. Б. на кладбище сговориться с могильщиками, вместе с Ал-дрой Николаевной положил Мурочку в этот гробик» (Чуковский 1994: 31).

Конкретный перечень похоронных услуг, которые можно было получить в том или ином городе зависел от наличия или отсутствия «похоронных кустарей». Так, воспоминания жителей Новосибирска сохранили «цветы из древесной стружки и бумаги, которые специально для похорон изготавливала мастерица, жившая на Сахалинском переулке. Цветы эти раскрашивали, «на крахмальный клей посыпали манку и красили»» (Красильникова 2011: 131).

Захоронения советского периода демонстрируют практически полное отсутствие фабричных, стандартизованных профессиональных памятников. На их место приходили конструкции, изготовленные такими же кустарями или «своими руками» из подручных материалов. В отличие от дореволюционных памятников из мрамора и гранита или простых деревянных крестов, советские надгробия и ограды могли включать в себя самые разные элементы, часто заимствованные с ближайшего производства — отработанные шестеренки и пыльные диски, арматуру — все, что попадалось под руку и из чего при помощи сварочного аппарата можно было создать определенный узор. Наличие однородных по дизайну и использованным элементам надгробий на многих кладбищах свидетельствует о том, что в большинстве регионов были свои кустарные специалисты и в этой области. В тех же случаях, когда такого специалиста не находилось, родственники изготавливали ограды и памятники сами из подручных материалов.

Заключение

Как показывают рассмотренные материалы, серьезный инфраструктурный кризис, охвативший похоронную сферу в первые послереволюционные годы, оказал системное влияние на все похоронные практики, которое не ослабло и после того как наиболее острые кризисные явления остались в прошлом. Низовые практики самообеспечения, возникшие первоначально вследствие необходимости любыми силами захоронить умерших, закрепились и оказались важнейшим механизмом работы похоронной сферы в СССР. Быстрый распад системы городского похоронного администрирования, выразился не только в снижении качества похоронных услуг, но и зачастую в полной их недоступности. Родные и близкие умерших вынуждены были сами искать средства для погребения, в том числе — инвентарь для рытья могилы и доски

для гроба. В течение короткого промежутка времени развитая система похоронных служб, которая сложилась в Российской Империи в первой четверти XX в., перестала существовать. На смену ей пришло низовое регулирование и разрозненный набор частных практик, которые выработались в стремлении общества решить проблемы похоронного обслуживания гражданского населения. Фактически такое состояние похоронной сферы сохранялось до конца советского периода и определило ее конфигурацию в постсоветский период (*Mokhov, Sokolova 2020*).

Источники и материалы

- ГАМО — Государственный архив Московской области. Фонд 4557—Отдел коммунального хозяйства Моссовета (Московское коммунальное хозяйство. МКХ). г. Москва 1917–1929 гг.
- ЦГА СПб — Центральный городской архив Санкт-Петербурга Фонд Р-2815—Комиссариат здравоохранения союза коммун северной области. Петроград. 1918–1919.
- Богословский 2011* — *Богословский М. М.* Дневники (1913–1919): Из собрания Государственного Исторического музея / Ответственный редактор С. О. Шмидт; вступ. статья С. О. Шмидта; публ. и коммент., биогр. справка Е. В. Неберекутиной и Т. В. Сафроновой. Москва: Время, 2011. 801 с.
- Готье 1997* — *Готье Ю. В.* Мои заметки / [подгот. к изд.: Т. Эммонс, С. Утехин]. М.: Терра, 1997. 588, [1] с. (ТИ. Тайны истории. Век XX).
- Дневник и воспоминания — Дневник и воспоминания киевской студентки (1919–20 гг.) // Архив русской революции. Т. 15. Берлин, 1924. С. 209–253.
- Жиркевич 2007* — *Жиркевич А. В.* Потревоженные тени... Симбирский дневник: к 150-летию со дня рождения / [сост., предисл. и прим. Н. Г. Жиркевич-Подлесских]. М.: Этерна-принт, 2007. 638, [2] с. 638, с.: ил., портр.
- Измайлов 2020* — *Измайлов К. Ф.* Дневник алтайского крестьянина К. Ф. Измайлова (1923–1941 гг.): в 2 т. / [составитель А. М. Ситнова]. Т. 1: 1923–1934. М.; Смоленское, Алтайский край: Common place, 2020. 663, [8] с.: ил., факс.
- Марина Цветаева — Борис Бессарабов. Хроника 1921 года в документах. Дневники Ольги Бессарабовой (1915–1925) / Сост. Н. А. Громова. М.: Эллис Лак, 2010. 797 с.
- Мартынова (Случевская)* — Гимназический дневник Л. Б. Мартыновой (Случевской) // Прожито: личные истории в электронном корпусе дневников / Европейский университет в Санкт-Петербурге. URL: <https://prozhito.org/person/1083>
- Мельгунова-Степанова 2014* — *Мельгунова-Степанова П. Е.* Дневник, 1914–1920 / [вступ. ст., коммент., именной указ. В. Д. Лебедева]; Российское историческое общество, Федеральное архивное агентство, Гос. архив Российской Федерации. М.: Кучково поле: Люкс-Принт, 2014. 317, [2] с. (Живая история).
- Окунев 1997а* — *Окунев Н. П.* Дневник москвича. 1917–1924: в 2 кн. / Н. П. Окунев. Кн. 1. М.: Воениздат, 1997. 320 с.
- Окунев 1997б* — *Окунев Н. П.* Дневник москвича. 1917–1924: в 2 кн. / Н. П. Окунев. Кн. 2. М.: Воениздат, 1997. 287 с.
- Орешников 2010* — *Орешников А. В.* Дневник. 1915–1933: в 2 кн. / сост. П. Г. Гайдуков, Н. Л. Зубова, М. В. Катагощина, Н. Б. Стрижова, А. Г. Юшко; отв. ред. П. Г. Гайдуков. М.: Наука, 2010–2011. Кн. 1: 1915–1924. 2010. 657, [2] с., [16] л. ил., портр., факс. (Научное наследие / Российская акад. наук, Архив, Институт археологии; Государственный исторический музей; т. 34: в 2 кн.).
- Пришвин 2008* — *Пришвин М. М.* Дневники. 1918–1919. / Подгот. текста Л. А. Рязановой, Я. З. Гришиной; Коммент. Я. З. Гришиной. 2-е изд., испр. СПб.: Росток, 2008. 640 с.
- Сорокин 1991* — *Сорокин П. А.* Долгий путь: автобиограф. роман: пер. с англ. Сыктывкар: Союз Журналистов Коми АССР: Шыпас, 1991. 304 с.

Чуковский 1994 — Чуковский К. Дневник, 1930–1969 / [сост., подгот. текста, коммент. Е. Ц. Чуковской]. М.: Современный писатель, 1994. 558, [2] с., [16] л. ил.: ил.

Научная литература

- Байбурин А. К. Советский паспорт: история — структура — практики. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. 488 с.
- Бартель Г. Кремация / сост. Г. Бартель; под ред. Ф. Я. Лаврова. М.: М.К.Х., 1925. 95, [2] с.: ил., снимк., черт., табл.
- Кириллова Е. А. Советская жилищная политика в годы нэпа: квартирный вопрос и домовое самоуправление в Петрограде-Ленинграде // *The Soviet and Post-Soviet Review*. 2016. No 43. С. 5–35.
- Красильникова Е. И. Старинные городские кладбища и похороны в отражении устных воспоминаний (на примере Новосибирска предвоенных лет) // Воспоминания и дневники как историко-психологический источник: материалы XXIX Международной научной конференции, Санкт-Петербург, 16–17 мая 2011 г. СПб.: Полторак, 2011. С. 128–132.
- Миронова Н. [А.] Великая эпидемия: сыпной тиф в России в первые годы советской власти. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2020. 315, [2] с.: ил.
- Смирнова Т. М. Советский режим и человеческий фактор на примере функционирования системы детских домов. 1917–1930-е годы // *The Soviet and Post-Soviet Review*. 2016. No 43. С. 36–66.
- Соколова А. Д. В борьбе за равное погребение: похоронное администрирование в раннем СССР / А. Д. Соколова // *Государство, религия, Церковь в России и за рубежом*. 2019. Т. 37. № 1–2. С. 594–621.
- Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город / Ш. Фицпатрик. М.: РОССПЭН, 2008. 336 с.
- Matsui, Y. Housing Partnerships, ZhAKTy, or Housing Trusts? A Study of Moscow's Housing Management System, 1917–1937 // *Acta Slavica Iaponica*. 2009. Vol. 26. P. 109–139.
- Mokhov, S., Sokolova A. Broken infrastructure and soviet modernity: the funeral market in Russia. *Mortality*, 2020. T. 25. № 2. С. 232–248.

References

- Baiburin, A. K. 2017. *Sovetskii pasport: istoriia — struktura — praktiki* [Soviet passport: history — structure — practice]. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge [Publishing house of the European University in St. Petersburg]. 488 p.
- Bartel', G. 1925. *Krematsiia* [Cremation]. Moskva: M. K. Kh. 95 p.
- Fitspatrik, Sh. 2008. *Povsednevnyi stalinizm. Sotsial'naia istoriia Sovetskoi Rossii v 30-e gody: gorod* [Everyday Stalinism. Social history of Soviet Russia in the 30s: city]. Moscow: ROSSPEN. 336 p.
- Kirillova, E. A. 2016. *Sovetskaia zhilishchnaia politika v gody nepa: kvartirnyi vopros i domovoe samoupravlenie v Petrograde-Leningrade* [Soviet housing policy during the NEP years: the housing issue and house self-government in Petrograd-Leningrad]. *The Soviet and Post-Soviet Review*. 43: 5–35.
- Krasil'nikova, E. I. 2011. *Starinnye gorodskie kladbishcha i pokhorony v otrazhenii ustnykh vospominanii (na primere Novosibirska predvoennykh let)* [Old city cemeteries and funerals in the reflection of oral recollections (on the example of Novosibirsk in the pre-war years)]. In *Vospominaniia i dnevniki kak istoriko-psikhologicheskii istochnik: materialy XXIX Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Sankt-Peterburg, 16–17 maia 2011 g.* [Memoirs and diaries as a historical and psychological source: materials of the XXIX International Scientific Conference, St. Petersburg, May 16–17, 2011]. Sankt-Petrburg: Poltorak. Pp. 128–132.

- Matsui, Y. 2009. Housing Partnerships, ZhAKTy, or Housing Trusts? A Study of Moscow's Housing Management System, 1917–1937. *Acta Slavica Iaponica*. 26: 109–139.
- Mironova, N. A. 2020. *Velikaia epidemiia: sypnoi tif v Rossii v pervye gody sovetskoi vlasti* [Great epidemic: typhus in Russia in the first years of Soviet power]. M.: Universitet Dmitriia Pozharskogo. 315 p.
- Mokhov, S., Sokolova A. 2020. Broken infrastructure and soviet modernity: the funeral market in Russia. *Mortality*. 25 (2): 232–248.
- Smirnova, T. M. 2016. Sovetskiĭ rezhim i chelovecheskiĭ faktor na primere funktsionirovaniia sistemy detskikh domov. 1917–1930-e gody [The Soviet regime and the human factor on the example of the functioning of the system of orphanages. 1917–1930s]. *The Soviet and Post-Soviet Review*. 43: 36–66.
- Sokolova, A. D. 2019. V bor'be za ravnoe pogrebenie: pokhoronnoe administrirovanie v rannem SSSR / A. D. Sokolova [In the Struggle for Equal Burial: Funeral Administration in the Early USSR]. *Gosudarstvo, religii, Tserkov'v Rossii i za rubezhom* [State, religion, Church in Russia and abroad]. 37 (1–2): 594–621.